

ПРОКУРОР И ДИСПОЗИТИВНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ-АНТАГОНИСТЫ ИЛИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА?

**В.Н. Клат,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
ya.leralera137@yandex.ru
Научный руководитель:**

**Н.В. Сухова,
доцент кафедры гражданского права и
процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина является одной из первоочередных задач, стоящих перед гражданским судопроизводством. Статья 6 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) закрепляет, что правосудие по гражданским делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан [3]. Государство, стремясь создать все необходимые условия для реализации данного принципа, наделяет прокурора полномочиями для защиты определенных групп лиц, которые в силу наличия уважительных причин или препятствий определенного характера, не могут самостоятельно, без поддержки государства реализовать свое право на защиту.

Процессуалисты до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно необходимости института участия прокурора в гражданском процессе. Ученые и практики разбились на два лагеря в этом вопросе: одни считают, что публичная власть не должна вмешиваться в частноправовой спор, другие придерживаются взглядов, что государство обязано обеспечить закрепленное в ст. 46 Конституции Российской Федерации право граждан на судебную защиту, в том числе лиц, не имеющих возможности реализовать его самостоятельно по объективным причинам [7]. Данные позиции диаметрально противоположны. Их диапазон: от уверенности в бесполезности этого института до предложений по значительному расширению полномочий прокурора в судебном процессе. В настоящий момент требуется найти разумный баланс между правом гражданина свободно распоряжаться своими субъективными правами и конституционной обязанностью государства обеспечивать процессуальными институтами защиту этих прав, и наконец, определиться с мнением, которое в наибольшей степени будет соответствовать требованиям существующей российской действительности.

Начнем рассмотрение вопроса с преобладающего мнения о полном отрицании необходимости участия прокурора в гражданском процессе. В этом аспекте ряд авторов видят институт участия прокурора в гражданском процессе как механизм вмешательства государства в частноправовую сферу. Такой исследователь, как профессор и судья Конституционного Суда Российской Федерации Геннадий Александрович Жилин говорит о том, что: «приоритет частноправового интереса требует ликвидации участия прокурора в гражданском процессе» [4]. Несмотря на давность этого высказывания, проблема, которой оно касается, не только не утратила своей актуальности, но даже приобрела особую остроту.

Другие авторы – Д.Н. Слабкая, А.В. Новиков, рассматривая такую форму участия прокурора в гражданском процессе, как вступление в процесс, начатый по инициативе других лиц, для дачи заключения по рассматриваемому судом делу, говорят о том, что данная форма: «...является не защитой прав граждан и организаций, а косвенным влиянием на ход судебного разбирательства и, в конечном итоге, на сам суд, что является недопустимым в соответствии с принципом независимости суда» [9]. Похожей точки зрения в своей работе придерживается А. В. Китаева; она считает, что дача заключения является нецелесообразной и противоречащей диспозитивным и состязательным началам гражданского процесса формой участия прокурора в гражданском судопроизводстве [5]. Не раз в юридической литературе поднималась и проблема абстрактного круга лиц, в защиту прав которых, прокурор может обратиться с заявлением в суд. Существование этой проблемы порождает вопрос о наличии принципа диспозитивности в гражданском процессе с участием прокурора. Так, по этому поводу И.Д. Алиева отмечает: «Широкое участие прокурора в гражданском процессе для дачи заключения по делам не оп-

равдывает себя, так как является неэффективным. Круг дел, по которым обязательно участие прокурора, не может быть широким и в силу диспозитивных начал гражданского судопроизводства, не допускающих неоправданного постороннего вмешательства кого бы то ни было в частный спор» [2].

Ученые-правоведы, выступающие за приоритет частноправовых интересов в гражданском процессе и одобряющие принцип ограниченного участия прокурора, говорят о том, что участие прокурора в этом смысле не вписывается в устоявшееся представление о принципе диспозитивности процесса, поскольку сам гражданин может быть не заинтересован в таком участии [11]. Тем самым, прокурор лишает лицо права по своему усмотрению начать гражданский процесс.

Тем не менее, представляется, что эта точка зрения может быть подвержена обоснованной критике. Прокурор сам принимает решение об обращении в суд, не имея при этом согласия гражданина, но государство наделило его таким полномочием в целях реализации правозащитной функции лишь в интересах тех, кто не может сам себя защитить – несовершеннолетних, пожилых, больных, недееспособных людей. Таким образом, поддержка государства, в виде содействия прокурора судебной защите чужих прав и законных интересов не расценивается как нарушение принципов равенства, диспозитивности и состязательности. Скорее можно говорить о том, что граждане, определенным образом ограниченные в процессуальных возможностях, компенсируют этот пробел, поддержкой прокурора, реализовывая свое право в силу принципа равенства всех перед законом и судом. Наряду с этим, в условиях глубинного понимания принципа состязательности как процессуальной максимы, вступление прокурора в процесс для дачи заключения по социально значимым гражданским делам, способствует обеспечению всестороннего и объективного исследования судом обстоятельств дела, правильному разрешению спора.

Для всестороннего рассмотрения данного вопроса обратимся к международной практике. Во множестве правовых систем важный «сторонний» орган, который может принимать участие в гражданских процессах или вмешиваться в них, – это государственный обвинитель (прокурор, общественный представитель, поверенный). Название должности может различаться, но функция вмешательства со стороны трансиндивидуальных интересов остается той же. Так, в Хорватии полномочия прокурора оспаривать окончательные решения (так называемый запрос о защите законности) были отменены в 2003 г., так же как стороннее вмешательство прокурора. Единственная оставшаяся у прокурора функция состоит в том, что он может начать некоторые процессы, связанные с общественным интересом. На практике это происходит нечасто и только при особой значимости процесса. В Китае они могут постоянно контролировать суды и оспаривать их суждения (даже те, которые уже вступили в силу). У немецкой и австрийской системы, с другой стороны, нет соответствующего органа с широкими полномочиями, хотя некоторые незначительные формы вмешательства обвинения там также существуют. Например, прокурор в Австрии имеет право начать процесс аннулирования брака; главный прокурор по финансам, *Finanzprokurator*, может вмешаться в целях защиты общественного интереса. В Германии отказались от полномочий прокуроров вмешиваться в гражданские процессы [1]. Учитывая все вышеизложенное, можно заключить, что в странах центральной Европы по сравнению с Китаем прослеживается тенденция ограничения полномочий прокурора в гражданском процессе. Европейский Суд по правам человека (Далее ЕСПЧ) неоднократно высказывался против российской системы вмешательства прокуратуры в гражданский процесс. В своих постановлениях ЕСПЧ не раз указывал, что российская прокуратура занимает доминирующее место в гражданском и административном судопроизводстве. Европейский суд по правам человека в Постановлении от 26.05.2009 по делу «Бацапина против России» отметил, что стороны в гражданском деле, истец и ответчик, должны иметь равные процессуальные права [10]. Суд не исключает, что поддержка прокуратурой одной из сторон может быть оправдана в определенных обстоятельствах, например, для защиты интересов уязвимых людей, которые, как предполагается, не в состоянии сами защищать свои интересы, или в тех случаях, когда соответствующим правонарушением затрагиваются интересы многих граждан, или в тех случаях, когда могущие быть идентифицированными собственностью или интересы государства нуждаются в защите. Изучая позицию ЕСПЧ можно сделать вывод, что в ре-

формировании российской системы прокуратуры достигнуты несомненные успехи: вмешательство в судебные дела в интересах граждан ограничивается вмешательством в интересах лиц, не способных защищать себя, или когда оно оправданно большим числом лиц, затронутых определенным нарушением. Но, по мнению Суда, нашей системе еще есть куда стремиться.

Кроме того, в последнее время, в свете периодически возникающих экономических кризисов, проблемы уровня и качества жизни выходят на первый план. Благосостояние большинства граждан значительно ухудшилось и как следствие, возникают сложности с обращением граждан как к адвокату за оказанием правовой помощи в силу высокого уровня оплаты этих услуг, так и в суд ввиду отсутствия средств на оплату госпошлины. В условиях же инквизиционной пассивности судьи, что характерно для российской правовой культуры, фактическое неравное материальное и социальное положение граждан влечет фактически неравные возможности по защите нарушенного права, когда выигрывает процесс, как правило, сторона, не всегда правая, но материально более обеспеченная, и имеющая возможность воспользоваться квалифицированной правовой помощью. Система оказания бесплатной юридической помощи могла бы решить эту проблему, но и она несовершенна в силу ряда причин. Во-первых, следует указать на такой момент, как недоверие бесплатным юридическим услугам. Во-вторых, недостаточная информированность граждан о возможности получения самой бесплатной юридической помощи. В условиях слаборазвитости данной системы государство считает необходимым обеспечить дополнительную поддержку своих граждан путем сохранения правового статуса прокурора в гражданском судопроизводстве, что не нарушает принципы состязательности и диспозитивности. Активное и квалифицированное участие прокурора в судебном процессе служит серьезной гарантией законности и эффективности судопроизводства по гражданским делам.

В интересах исследования, представляется целесообразным коснуться такого вопроса, как регламентация последствий отказа прокурора от иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. В ГПК РФ в ч.2 ст.45 указаны лишь последствия отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, но не решен вопрос о том, как должен поступить суд в случае отказа прокурора от иска, поданного в интересах неопределенного круга лиц. Не является проблемой ситуация, когда прокурор отказывается от иска в связи с удовлетворением ответчиком заявленных требований. В данном случае суд должен принять отказ и прекратить производство по гражданскому делу. Трудности возникают тогда, когда прокурор передумал поддерживать иск, поданный в интересах неопределенного круга лиц, и по факту нарушенное право или законный интерес останутся незащищенными, так как существуют только потенциальные истцы, выявить единое мнение которых о необходимости продолжения процесса не представляется возможным. Отказ прокурора от иска означает автоматическое прекращение производства по делу. Но обратимся к ч.5 ст.39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в которой законодатель определил последствия отказа прокурора от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, указав, что рассмотрение административного дела по существу продолжается[6]. Установление подобной нормы в ГПК РФ, на взгляд автора, не исправит положения, так как при этом не будет решен вопрос о том, кто же вместо отказавшегося прокурора будет защищать интересы того самого неопределенного круга лиц, который возможно и не был уведомлен о начале и внезапно закончившемся процессе. Автору статьи видится два пути решения этой проблемы:

1. Изложить ч.2 ст.45 ГПК РФ следующей редакцией: «Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. В случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска. При отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц. Основанием для отказа прокурора от заявления, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов неопреде-

ленного круга лиц является добровольное исполнение ответчиком требований прокурора. В случае отказа прокурора поддерживать требование, заявленное им в интересах неопределенного круга лиц по иным основаниям, наступают процессуальные последствия, предусмотренные частью второй статьи 39 настоящего Кодекса».

2. Предусмотреть возможность вовлечения в процесс представителей соответствующих органов или организаций, которые в рамках своей компетенции полномочны обращаться по тому или иному вопросу в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

Мы знаем, что необходимость унификации гражданского процессуального законодательства обусловила разработку единого ГПК, принятие которого должно завершить один из серьезных этапов судебной реформы в нашей стране. В целях исследования проанализируем положения, касающиеся положения прокурора в гражданском процессе, дабы составить представление о ближайших перспективах развития рассматриваемого института. Пункт 4.7. Концепции единого процессуального кодекса предусматривает, что «возможности прокурора вступать в уже начатый процесс должны быть ограничены той же категорией дел, которая предусмотрена для обращения прокурора с заявлением в суд» [8]. Таким образом, видно, что проект нового кодекса предполагает расширение возможностей прокурора по защите чужих прав, в виду увеличения перечня категорий дел, по которым он может давать заключение. В этом случае увеличение категорий гражданских дел, на взгляд автора, не препятствует реализации принципов диспозитивности, состязательности и равенства сторон. Напротив, факт дачи заключения по делу предоставляет суду возможность правильно установить факты по делу и обеспечить эффективную защиту прав в пределах определенного времени. Перечень категорий гражданских дел, по которым согласно Концепции единого процессуального кодекса предусматривается заключение прокурора, являются наиболее важными и требующих особого внимания, так как, зачастую их участниками становятся инвалиды, несовершеннолетние дети и другие слабозащищенные категории граждан.

Приняв все сказанное во внимание, отметим, что участие прокурора в гражданском процессе является одной из важнейших функций прокуратуры и полностью соответствует особенностям социально-культурного и государственно-правового развития Российской Федерации. В силу малоразвитости института бесплатной юридической помощи, а также в связи с особой значимостью дел, рассматриваемых с участием прокурора, его участие не нарушает принципы состязательности и диспозитивности, более того, без прокурора эти принципы в судебном процессе могут проявиться не в полном объеме. Будучи всегда и везде заинтересованным в защите общих и частных интересов, прокурор реализует эту заинтересованность и в судебном процессе, тем самым оказывая суду посильную помощь в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении гражданского дела. С точки зрения процессуального и материального законодательства, обеспечения баланса частных и публичных интересов, участие прокурора в гражданском процессе представляется уместным и целесообразным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алан Узелач. Основной доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия: Сборник докладов / Под ред. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. М.: Статут, 2012. С. 140-169.
2. Алиева И.Д. Защита гражданских прав прокурором и иными уполномоченными органами: монография / И.Д. Алиева. М., 2006. С. 128.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138 –ФЗ: по сост. на 03.04.2018 г. //Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: дис. канд. юрид. наук / Г. А. Жилин. М.: Городец, 2000. С. 316.
5. Китаева А. В. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе / А.В. Китаева // Международный научный журнал «Инновационная наука».2016. № 3. С. 57-59.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21 – ФЗ: по сост. на 28.12.2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1. Ст. 1391.
7. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г.: по сост. на 04 августа 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 9. Ст. 851.
8. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 08 декабря 2014 г. № 124 (1)) [Электронный ресурс]. - Документ опубликован не был. - Доступ из справочно – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.04.2018).
9. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе / А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2014. № 4. С. 232-240.
10. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Бацапина против России» от 26 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. - Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 14.04.2018).
11. Шекунова Т. А. Вопросы ограниченного участия прокурора в гражданском процессе / Т.А. Шекунова // Актуальные вопросы юридических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 86-89.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОРМЫ Ч.1 СТ. 328 УК РФ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

А.А. Козодой,
студентка МГЮА им. О.Е. Кутафина
направление «Юриспруденция»
stacykozodoy@gmail.com
Научный руководитель:
О.В. Танимов,
доцент кафедры теории государства и
права МГЮА им. О.Е. Кутафина,
кандидат юридических наук

Развитие информационных технологий и информационно-коммуникационного пространства, процессы глобализации постепенно начали изменять представление о концепции государственного суверенитета [1; 64–78]. Декларация принципов 1975 года закрепила принцип суверенного равенства государств, который предполагает «уважать суверенное равенство и своеобразие государств, а также все права, присущие их суверенитету...», в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость» [2]. В свою очередь ст. 51 Устава ООН говорит о праве на индивидуальную или коллективную самооборону при вооруженном нападении [3]. До сих пор основным институтом обороны остается армия. История института армии уходит далеко в прошлое. Но именно данный институт долгое время позволял государствам защищать свой суверенитет. Для обеспечения функционирования армии во многих странах в разное время была введена воинская обязанность. Но в связи с развитием технологий, общества и межгосударственных отношений должны реформироваться и общественные институты. Изменения в свою очередь находят отражение и в развитии пенитенциарной системы.

Объектом исследования данной работы выступает изменение отношений в области применения наказаний за уклонение от призыва на военную службу (ч. 1 ст. 328 УК РФ) в условиях новых вызовов, связанных с развитием информационных технологий и информационно-коммуникационного пространства.

Предметом исследования является эффективность применения наказаний по ч. 1 ст. 328 и соответствие целям их назначения в условиях модернизации общественных институтов.

Для изучения вопроса используются логический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования.